

Повесть о молодом человеке с пирожными

Блистательный Флоризель, принц Богемский, во время своего пребывания в Лондоне успел снискать всеобщую любовь благодаря своим обворожительным манерам и щедрой руке, всегда готовой наградить достойного. Это был человек замечательный, даже если судить на основании того немногого, что было известно всем; известна же была только ничтожная часть его подвигов. Спокойный до флегматичности, принимающий мир таким, каков он есть, с философским смирением простого землепашца, принц Богемский тем не менее питал склонность к жизни более эксцентрической и насыщенной приключениями, нежели та, к которой он был предназначен волею судьбы.

Порою на него находили приступы хандры, и если в это время на лондонских подмостках не было ни одного спектакля, на котором можно было как следует посмеяться, а сезон к тому же был не охотничий (в этом виде спорта принц не знал себе равных), он призывал к себе своего шталмейстера, полковника Джеральдина, и объявлял, что намерен совершить с ним прогулку по вечернему Лондону. Молодой офицер этот был постоянным наперсником принца, и отвага его подчас граничила с безрассудством. Он с неизменным вос-

торгом встречал подобные приказы своего господина и, не мешкая, совершал все нужные приготовления. Богатый опыт и разностороннее знание жизни развили в нем необычайную способность к маскараду; к любой избранной им роли, независимо от положения, характера и национальности лица, которое он брался изображать, он умел приспособить не только лицо и манеры, но и голос и даже образ мышления. Благодаря этому своему дару ему удавалось отвлекать внимание от принца и вместе со своим господином спускаться во все слои общества. Власти, разумеется, в эти приключения не посвящались. Непокколебимая храбрость принца вместе с изобретательностью и рыцарской преданностью его наперсника не раз вызволяла эту пару из самых опасных положений, и доверие, которое они питали друг к другу, с каждым годом все возрастало.

Однажды вечером холодный мартовский дождь пополам со снегом загнал их в кабачок неподалеку от Лестер-сквера. Полковник Джеральдин был одет и загримирован под рыцаря прессы в несколько стесненных обстоятельствах; грим Флоризеля, как всегда, заключался в накладных бакенбардах да паре косматых бровей, которые изменяли его изысканный облик до неузнаваемости, придавая ему вид человека, испытавшего превратности судьбы. Под прикрытием этого маскарада принц со своим шталмейстером спокойно сидели в устричном заведении и потягивали бренди с содовой.

Зал был переполнен посетителями обоих полов, и хотя среди них оказалось немало охотников вступить в беседу с нашими искателями приключений, ни один не представлял особого интереса. Здесь были собраны ординарнейшие обитатели лондонского дна. Принц начал было уже зевать и подумывать о том, чтобы идти домой, как вдруг двустворчатые двери трактира

с треском распахнулись, впустив молодого человека в сопровождении двух слуг. В руках у каждого слуги было по большому подносу, покрытому салфеткой, которую они тотчас сдернули. На подносах лежали маленькие круглые пирожные с кремом, и молодой человек принялся обходить столики, с преувеличен-

ной любезностью предлагая каждому посетителю полакомиться. Одни со смехом принимали его угощение, другие решительно, а подчас и грубо от него отказывались. В последнем случае молодой человек неизменно съедал пирожное сам, отпуская при этом какую-нибудь шутиливую реплику.

Наконец он подошел к принцу Флоризелю.

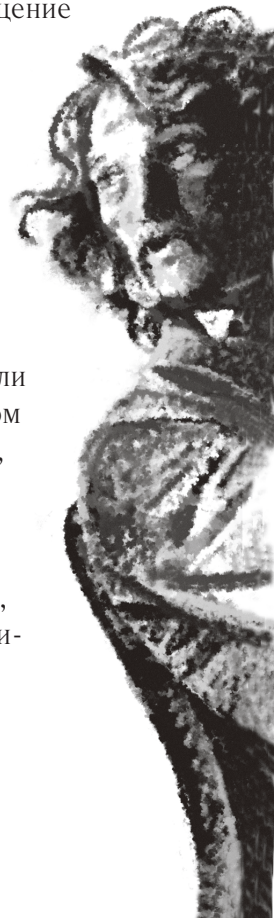
— Сударь, — произнес он тоном глубочайшего почтения и протянул ему пирожное, — не окажете ли вы любезность человеку, не имеющему чести быть с вами знакомым? За качество пирожного могу поручиться, ибо за последние два-три часа я сам проглотил ровно двадцать семь штук.

— Качество угощения, которым меня потчуют, — отвечал принц, — представляется мне не столь важным, сколько чувство, с каким мне это угощение предлагают.

— Чувство, сударь, — сказал молодой человек, отвесив еще один поклон, — с вашего позволения, самое издевательское.

— Издевательское? — повторил Флоризель. — Над кем же вы намерены издеваться?

— Видите ли, — сказал молодой человек, — я пришел сюда не для того, чтобы развивать свои философские воззрения, а лишь затем, чтобы раздать эти пирожные с кремом. Если я сообщу вам, что я самым искренним образом включаю в число тех, над которыми издеваюсь, собственную персону, ваша щепетильность, я надеюсь, будет удовлетворена и вы снизойдете к моему угощению. В противном случае я буду вынужден съесть двадцать восьмое пирожное, а мне эти гастрономические упражнения, признаться, немного надоели.

— Мне вас жаль, — сказал принц, — и я готов сделать все, что в моих силах, чтобы вас вызволить, но только при одном условии. Если я и мой приятель отведаем ваших пирожных — а надо сказать, что ни у меня, ни у него они не вызывают большого аппетита, — то и вы должны будете за это с нами отужинать.

Молодой человек как будто что-то обдумывал.

— У меня на руках осталось еще несколько дюжин, — сказал он наконец. — А следовательно, мне придется наведаться еще в несколько подобных заведений, прежде чем я разделаюсь со своим основным делом. Боюсь, что это займет некоторое время, и если вы голодны...

Принц остановил его речь любезным мановением руки.

— Мы будем вас сопровождать, — сказал он. — Нас очень заинтересовал избранный вами чрезвычайно приятный способ проводить вечера. Теперь, когда мы договорились о предварительных условиях мира, позвольте мне скрепить наш договор.

И принц любезно взял протянутое ему пирожное.

— Превосходное угощение, — сказал он.

— Я вижу, вы большой знаток, — заметил молодой человек.

Следуя примеру своего патрона, полковник Джеральдин тоже отдал должное пирожному. Молодой человек обошел все столы и, получив от каждого посетителя отказ или благодарность, повел своих спутников в другой трактир. Двое слуг, которые, казалось, вполне смирились со своим нелепым занятием, следовали за молодым человеком, между тем как принц с полковником, взявшись под руку и улыбаясь, замыкали шествие. В таком порядке вся компания посетила еще два кабака, и в каждом повторилась та же сцена — одни

принимали угощение бродячего хлебосола, другие отказывались, и тогда молодой человек неизменно проглатывал пирожное сам.

После третьего заведения молодой человек пересчитал оставшиеся пирожные: на одном подносе их оказалось шесть, на другом три — итого девять штук.

— Господа, — сказал он, обращаясь к своим новым знакомцам, — мне неприятно, что я задерживаю ваш ужин. Я уверен, что вы проголодались не на шутку, и к тому же у меня есть по отношению к вам известные обязательства. В этот многозначительный для меня день, когда мне предстоит завершить мой дурацкий жизненный путь последним и наиболее ярким дурачеством, я не хотел бы оказаться невежей перед теми, кто меня так благородно поддержал. Господа, я не заставляю вас больше ждать. И пусть здоровье мое и без того расшатано излишествами, я готов, рискуя жизнью, отказать от условия, которое сам себе поставил.

И, окончив свою речь, молодой человек проглотил одно за другим оставшиеся девять пирожных. Затем, отвесив по поклону обоим слугам и протянув им по золотому, он сказал им:

— Примите, пожалуйста, мою благодарность за ваше долготерпение.

Отпустив слуг, он с полминуты постоял, уставясь на кошелек, из которого только что извлек для них плату, и вдруг засмеялся, бросил его на мостовую и сообщил своим спутникам, что готов идти с ними ужинать.

В маленьком французском ресторанчике в Сохо, пользовавшемся незаслуженно громкой славой, которая, впрочем, уже начала идти на убыль, принц, его шталмейстер и их новый знакомый попросили себе отдельный кабинет на третьем этаже, уселись за изящно сервированный стол, заказали к ужину четыре бутылки

шампанского и принялись непринужденно беседовать между собой. Молодой человек был весел и оживлен, однако смеялся несколько громче, чем можно было ожидать от человека его воспитания; к тому же руки его заметно дрожали, в голосе появлялись неожиданные резкие переходы, как у человека, который не совсем владеет собой. Когда официант унес со стола последнее блюдо и все трое закурили сигары, принц обратился к своему новому знакомцу со следующей речью:

— Я надеюсь, что вы простите мне мое любопытство. Хоть мы и знакомы всего лишь несколько часов, вы мне очень симпатичны и, признаться, чрезвычайно меня интригуете. Я бы не хотел показаться нескромным, но я должен вам сказать, что мы с приятелем в высшей степени достойны доверия. У нас великое множество своих тайн, которые мы постоянно доверяем тем, кому не следует. А если, как я полагаю, ваша история достаточно нелепа, то и в этом случае, уверяю вас, вы можете, не стесняясь, изложить ее нам, ибо более нелепых людей, чем мы, вы не сыщете во всей Англии. Меня зовут Годол, Теофилус Годол; имя моего друга — майор Альфред Хаммерсмит, во всяком случае, ему угодно выступать под этим именем. Всю свою жизнь мы посвятили поискам экстравагантных приключений; и нет такой экстравагантной выходки, которой бы мы не могли посочувствовать всей душой.

— Вы мне нравитесь, мистер Годол, — ответил молодой человек, — к тому же вы во мне вызываете инстинктивное доверие; и я не имею ничего против вашего друга, майора, который представляется мне передетым вельможей. И уж, во всяком случае, я убежден, что к армии он не имеет ни малейшего касательства.

Полковник только усмехнулся, услышав такой комплимент своему искусству перевоплощения.

— Существует множество причин, по которым мне не должно бы вам открыться, — продолжал между тем молодой человек, постепенно воодушевляясь. — Быть может, поэтому-то я и намерен рассказать вам все без утайки. Во всяком случае, я вижу, что вы настроились услышать нечто нелепое, и у меня не хватает духа вас разочаровать. Свое имя, в отличие от вас, я не назову. Возраст мой не имеет прямого отношения к моему рассказу. Я прямой наследник своих предков, и наследство мое заключается в весьма сносном жилище, которое я занимаю по сей день, и капитале, дававшем триста фунтов годового дохода. Вместе с домом и этим капиталом я, должно быть, унаследовал от предков и легкомыслие, не противиться которому составляло высшее наслаждение всей моей жизни. Я получил хорошее образование. Я изрядный музыкант — еще немного, и мог бы играть на скрипке в каком-нибудь захудалом оркестре, однако как раз этого немногого мне и недостает. То же относится к моей игре на флейте и на валторне. Выучился играть в вист и в этой премудрости преуспел настолько, что с легкостью могу проигрывать до ста фунтов в год. Знакомство мое с французским языком оказалось достаточным, чтобы мотать деньги в Париже почти с той же легкостью, что и в Лондоне. Как видите, я человек всесторонне образованный. Жизнь не обошла меня и приключениями всевозможного рода, я даже дрался на дуэли, для которой не было ни малейшего повода. А два месяца назад я повстречал молодую особу, которая показалась мне олицетворением всех совершенств, как духовных, так и физических. Сердце мое растопилось. Я, наконец, встретил свою судьбу и чуть было не влюбился. Но когда я принялся подсчитывать, что осталось мне от всех моих капиталов, оказалось, что у меня нет и полных четырехсот

фунтов! И вот я вас спрашиваю: может ли уважающий себя человек позволить себе влюбиться, имея за душой всего четыреста фунтов? Естественно, я должен был ответить на этот вопрос: нет, не может. Засим, расставшись с очаровательницей и несколько ускорив темп проматывания своих капиталов, к сегодняшнему утру я остался с суммой в восемьдесят фунтов в кармане. Разделив эти деньги на две равные части и отложив на одно дело сорок фунтов, остальные сорок я решил во что бы то ни стало промотать до наступления ночи. Я премило провел день, разыграл не одну комедию, подобную этой, с пирожными, благодаря которой я имел честь познакомиться с вами. Дело в том, что я, как я вам уже докладывал, задумал привести свои дурацкие похождения к еще более дурацкому концу. Когда я выбросил у вас на глазах свой кошелек на середину мостовой, те сорок фунтов у меня уже кончились. Итак, вы теперь не хуже меня самого знаете, что я представляю собой: безумец, но последовательный в своем безумии и, как вы, надеюсь, подтвердите, не нытик и не трус.

По всему тону речей молодого человека можно было заключить, что он не питает относительно себя никаких иллюзий и, напротив, горько в себе разочарован. Его собеседники догадывались, что сердечная история, которую он им поведал, затрагивала его больше, нежели он хотел показать, и что они имеют дело с человеком, задумавшим покончить все счета с жизнью. Комедия с пирожными обещала обернуться трагедией.

— Какое, однако, совпадение, — воскликнул Джеральдин, сделав глазами знак принцу Флоризелю, — что в этой пустыне, именуемой Лондоном, мы трое совершенно случайно повстречали друг друга! И что к тому же мы все находимся, можно сказать, в одинаковом положении!

— Что вы говорите? — воскликнул молодой человек. — Неужели вы тоже дошли до полного разорения? И этот ваш изысканный ужин — такое же безумие, как мои пирожные с кремом? Неужели сам сатана свел нас вместе для последней пирушки?

— Как видите, сатана подчас бывает весьма любезным джентльменом, — сказал принц Флоризель. — Что касается меня, я так поражен этим совпадением, что, хоть сейчас мы с вами и не совсем в равных обстоятельствах, я намерен положить этому неравенству конец. Пусть ваш героический поступок с пирожными послужит мне примером.

С этими словами принц вынул бумажник и извлек из него небольшую пачку банкнот.

— Видите ли, я отстал недели на две, но хочу вас догнать с тем, чтобы прибыть к цели вместе с вами, ноздря в ноздю, — продолжал он. — Этого, — сказал он, положив несколько бумажек на стол, — довольно, чтобы оплатить счет за ужин. Что касается остального...

Принц швырнул остаток в пылающий камин, вся пачка вспыхнула и пламенем взвилась в трубу.

Молодой человек попытался было удержать его руку, но не успел дотянуться до него через стол.

— Несчастный! — воскликнул он. — Зачем вы сожгли все ваши деньги? Надо было оставить сорок фунтов.

— Сорок фунтов? — переспросил принц. — Но отчего именно сорок, скажите на милость?

— И почему бы не все восемьдесят в таком случае? — подхватил полковник. — Ибо, насколько мне известно, в пачке находилось ровно сто фунтов.

— Больше сорока фунтов ему не понадобилось бы, — мрачно произнес молодой человек. — Но без них

путь ему прегражден. Правила наши суровы и не допускают исключений. Сорок фунтов с души. Что за проклятая жизнь, когда человеку без денег и умереть нельзя!

Принц и полковник обменялись взглядами.

— Объяснитесь, — сказал последний. — Мой бумажник при мне и, кажется, не совсем пуст. Незачем говорить, что я готов поделиться всем, что у меня есть, с Годолом. Но я должен знать, для чего. Вы обязаны нам точно все разъяснить.

Молодой человек словно внезапно очнулся от сна. Он перевел взгляд с одного из собеседников на другого, и краска залила его лицо.

— А вы не смеетесь надо мной? — спросил он. — Вы в самом деле разорены дотла?

— Что касается меня — вне всякого сомнения, — сказал полковник.

— А что касается меня, — сказал принц, — я, по-моему, вам это доказал. Ибо кто, кроме совершенного банкрота, станет швырять деньги в огонь? Мои действия говорят за себя.

— Банкрот? — задумчиво протянул молодой человек. — Пожалуй. Или миллионер.

— Довольно, сударь, — сказал принц. — Я не привык к тому, чтобы мое слово подвергалось сомнению.

— Итак, вы разорены? — повторил молодой человек. — Разорены, как и я? Привыкнув не отказывать себе ни в чем, удовлетворять малейшую свою прихоть, вы наконец дошли до той точки, когда у вас остается возможность выполнить только одно, последнее, желание? И вы, — по мере того, как он говорил, его голос становился все глуше, — и вы готовы позволить себе эту последнюю роскошь? Вы намерены с помощью единственного, безотказного и самого легкого способа избежать последствий собственного безрассудства?

Вы хотите улизнуть от жандармов собственной совести через единственную дверь, оставшуюся открытой?

Молодой человек неожиданно оборвал свою речь и через силу засмеялся.

— Ваше здоровье! — вскричал он, осушая бокал шампанского. — И покойной вам ночи, господа веселые банкроты!

Он поднялся было со стула, но полковник Джеральдин удержал его за руку.

— Вы нам не доверяете, — сказал он. — Напрасно. На каждый из ваших вопросов я готов ответить утвердительно. Впрочем, я человек не робкого десятка и намерен называть вещи своими именами. Да, мы тоже, подобно вам, пресытились жизнью и твердо решили с ней расквитаться. Раньше или позже, вдвоем или порознь, мы решили схватить смерть за косу. Но поскольку мы повстречались с вами и ваше дело не допускает отлагательства, пусть это случится нынче же ночью — тотчас же — и, если вы согласны, давайте пойдем ей навстречу втроем. Такие бедняки, как мы, — воскликнул он, — должны войти рука об руку в царство Плутона, поддерживая один другого среди теней, его населяющих!

Джеральдин точно попал в тон взятой на себя роли. Принц даже был несколько обескуражен и метнул в своего наперсника тревожный взгляд. Между тем краска вновь залила лицо молодого человека, и глаза его засверкали.

— Нет, нет, я вижу, вы для меня идеальные товарищи! — вскричал он с каким-то отчаянным весельем. — Итак, по рукам! — И протянул холодную, влажную руку. — Вы и понятия не имеете, в каком обществе вам предстоит выступить в поход! И в какую счастливую для себя минуту вы согласились отвратить

